

ЗИНАИДА ГИППИУС

БЫЛ И ТАКОЙ

Зинаида Гиппиус

Был и такой

«Public Domain»

1908

Гиппиус З. Н.

Был и такой / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1908

«Десятый час в исходе. Ночные собираются. Которые уже выехали, а те запрягать пошли; запоздавшие ужинают. Из денных, кто поплоше, еще никого нет. В горнице мутно, паром, щами, тулупом и луком припахивает. А так ничего, чисто: двор хороший. И кухарка молодая и бойкая...»

© Гиппиус З. Н., 1908

© Public Domain, 1908

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Зинаида Гиппиус

Был и такой

I

Десятый час в исходе.

Ночные собираются. Которые уже выехали, а те запрягать пошли; запоздавшие ужинают. Из денных, кто поплоше, еще никого нет.

В горнице мутно, паром, щами, тулупом и луком припахивает. А так ничего, чисто: двор хороший. И кухарка молодая и бойкая.

– Чтоб вас, лопают! Третью корчагу на стол волоку; мне что, хозяйское добро, да руки обломала!

– А ты не лайся, Кутафья Роговна. Небось в деревне за коровами ходила – не такие корчаги таскала.

– Корытами таскала, братцы. Потому не за коровами она, за свиньями. Свиной кормила.

– Тьфу те, окаянные. И в деревне-то твоей отродясь не бывала. Коренная я, петербургская. За свиньями о сю пору не хаживала, вот за вами только впервой, попутала нелегкая на старости лет.

– Ладно, старуха, шевели жиром-то, поторапливайся. Выезжать пора.

Ругаются, а впрочем, все по-хорошему. Смеются. Валерьян вошел, толстый в новом кафтане, заиндевелый. Снял шапку, помолился.

– Никак Иван Трофимович? Раненько.

У Валерьяна был выезд самый лучший, потому что человек подходящий, да и с залогом служил.

С хорошими выездами все поздно возвращались, а Иван Трофимов позднее всех, так за ним и знали.

– Да чего, – сказал Валерьян. – Свое выездил, с лишком с хорошим, чего еще? Студено дюже.

– Студено-то оно студено. Рассчитываться пойдешь, что ль? Зол страсть, да и пьян. Со вчерашнего еще.

– Ладно и так. Обряжусь – пойду.

Расчет с хозяином у них бывал каждый выезд. Хозяина каморка рядом, тут же, из саней. Вдовый, злой, – да ничего, жить можно.

Валерьян жил у него уж шестую неделю. Работал исправно, потому что за совесть. Веселый был, молодой, грамотный. По паспорту он значился Иваном Трофимовым, Тамбовской губернии. Земляки у него были, да что-то незнатье: деревня, что ли, его глухая.

Он о деревне никогда и не рассказывал. Когда что и рассказывать? Извозное дело такое, приедешь, иззябнешь, умаешься. И поругаться-то как следует часа нет. А у Валерьяна, кроме извозного дела, было еще другое, свое. И дело это было – шпионское.

Убрался, поел, пошел к хозяину расчесться; по-хорошему обошлось. В горнице уж разошлись, кто остался – спать полегли. Мавра и лампочку притушила, за занавеской у себя копается.

– Ложиться, что ль, будешь?

Валерьян стал укладываться.

Это ему недавно только пришло в голову, что его дело – шпионское. Недавно про себя его так назвал.

Не спится. Как будто думается. Шесть недель все как будто думается. Говорить-то ведь не с кем. Не видится со своими. Видится с ними, – с извозчиками. А они – чужие. Любовно, сердечно – разве с лошастью одной и поговоришь, да ведь с ней только об ее, об лошадином. Валерьянова она не поймет, а коли и поймет – ничего не ответит. Еще подслушает другой кто-нибудь, кому не нужно.

Впрочем, и своим – Валерьян себя теперешнего не открыл бы. Не сумел бы. Да и нужно ли им?

Бывают дни, когда солнце горит над бледным городом, горят снега. Валерьян мчится с седоком, или один, куда ему нужно, натягиваются и упруго вздрагивают вожжи, клочки теплого лошадиного пара и дым взрытых снежинок, серебряный и жгучий, летит ему в лицо... Хорошо-Тогда нет Валерьяна, ни прежнего, ни нового. Только и знает он, что ласку солнца над собой, ветер воздуха вокруг себя... Хорошо... или нет, не хорошо, а просто – так оно есть.

Редкие это минуты. И все реже они. Отчего?

С головой закрывшись жарким тулупом, в натопленной горнице, под притушенной лампочкой, под храп извозчиков – соображает что-то про себя Валерьян.

Обрывками. То одно, то другое. Устал он. То стихи какие-то начинают выдумываться, как прежде, бывало, сами, строчка за строчкой. Записать ведь нельзя, – пусть их; придут, сложатся, станут – и опять сникнут, точно обвалятся в темноту.

И снова о деле. А дело шпионское.

Что ж, дурное, скверное? Да нет же, нет, святое дело, правое дело. Это он знает. Это, может быть, единственно, что он знает твердо, незыблемо, бесповоротно – даже страшно, когда человек что-нибудь так бесповоротно знает.

А все-таки дело его шпионское.

Валерьян тайно следил за известным ему человеком, для того, чтобы узнать его привычки, его движения и чтобы затем, передав узанное тайным друзьям своим, сговориться вместе, как удобнее, вернее, – этого выслеженного человека убить.

Но и другие люди – враги Валерьяна, а не друзья – тоже следили, и тоже тайно, за ним самим и за его друзьями. Тоже старались узнавать их лица и движения, для того, чтобы, выследив, рассказать и указать на них своим и, взяв, тоже убить.

Эти другие люди, враги, так и назывались «шпионы» или «филеры» – следители.

Делали они все, и те, и эти, одно и то же дело, дни проходили в той же самой утомительной работе. Только «шпионское» дело было несомненно дурное, гадкое дело, а валерьяновское, хотя тоже шпионское, несомненно хорошее и святое.

Где же начинается разделяющая линия? Где она начинается?..

Впрочем, все равно; нить дум обрывалась. Тошно млело сердце, стучали отрывистые слова: так стучат копыта по деревянной настилке моста. Давние воспоминания о какой-то даче, о какой-то сирени, потом опять стихи, тоже давние:

В немощи сила наша совершается...
В несправедливости зреет любовь...
Насилие силой одной побеждается...
Есть ли заповедь: кровь за кровь?

Заснул. Не думается по ночам, как прежде. Пустеть как-то стало внутри. Незаметно. Давно ли?

II

У Валерьяна бывали неудачи. У друзей его бывали неудачи. У врагов тоже бывали неудачи и удачи. Но сравнительно Валерьян мог похвалиться успехом. Особенно последнее время.

Живал он и прежде в таком же, приблизительно, положении: был не извозчиком, а посыльным, Корнеем Власьевым. Мерз, уставал, следил – выследил. Был он тогда в артели – хотя жил в углу. Когда кончил – выписался, собрал пожитки, выехал на родину, как и теперь скоро выедет, должно быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.